

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VI

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1937 · Ленинград

Хроника

ПАМЯТИ САМЮЭЛЯ ФЛЮРИ

◆ 24 января 1933 г. преждевременно скончался в Базеле на 61-м году жизни один из крупнейших знатоков мусульманского искусства и лучший палеограф Samuel Flury.

Тот, кто хоть немного знает его печатные труды и не знаком совершенно с его биографией, вряд ли может догадаться, как возникла и протекала его плодотворная научная работа. Некоторое разъяснение этого дает имеющаяся у нас его переписка, начавшаяся с 1926 г.¹

S. Flury был общительным, скромным, нечестолюбивым и доброжелательным человеком; он охотно делился своими знаниями, писал о своих научных интересах и работах, не обходя и мелочей личной жизни. Некоторые письма имеют автобиографический характер, а многие большое научное значение.

Samuel Flury родился в Бразилии 20 апреля 1874 г. Предки его были швейцарские крестьяне — альпийские пастухи кантона Гризон (Grison). Четырех лет он лишился отца и был выращен матерью, женщиной с необычным характером, которую чрезвычайно любил, хотя и расходился впоследствии с ее религиозными воззрениями. Повидимому по ее желанию первоначально он готовился пять лет к богословской деятельности, но мысль о необходимости читать проповеди была для него кошмаром. Он поступил в одну из школ французской Швейцарии для изучения французского языка, давая одновременно уроки немецкого и музыки. В 1899 г. двадцатипятилетний Flury был приглашен в Каир на должность учителя школы и суф-рагана немецкой колонии (14 VI 1933).

¹ Даты писем, откуда приведены сведения, отмечены в скобках; большая часть их на французском языке, одно на немецком и одно на английском.

В Каире S. Flury пробыл три года. Как у его брата, художника-офортиста, работающего в Париже, у него была артистическая натура, которую унаследовало большинство детей Samuel'я Flury; она не могла не подчиниться исключительному обаянию Египта. В эти три года был заложен фундамент его исключительных знаний в области мусульманского искусства;¹ он внимательно изучал памятники и музеи и много рисовал. Особенно его захватила раннемусульманская архитектура, орнаментика тулунидов и фатимидов. По истечении этого срока друзья предлагали ему остаться в Каире еще на два года, чтобы написать работу о мечетях Каира. Из скромности, не доверяя своим силам и не имея средств, он отказался от предложения, вернулся в Европу и изучал здесь три года западноевропейскую филологию. После трехлетнего пребывания в Англии, S. Flury был приглашен профессором английского языка в Базельский лицей, каковым оставался до самой смерти (14 VI 1933 г.).

Тридцатилетний педагогический стаж не тяготил Flury; он был веселым, жизнерадостным человеком и любил молодежь. В Базеле он был в постоянных сношениях с профессорами Базельского университета, в последние годы, между прочим, с туркологом R. Tschudi. Вскоре после поселения тут в нем произошел большой внутренний перелом. По настоянию и с поддержкой его друга Max van Berchem'a, замечательного эпиграфиста, арабиста и историка, S. Flury не оставлял свои занятия арабским искусством и археологией, отдавая им немногие досуги и ка-

¹ Между 1900—1902 гг. См. его работу «Die Ornamente der Hakim- und Azhar-Moschee. Materialien zur Geschichte der älteren Kunst des Islam. Heidelberg, 1912. Einleitung, S. 7.

никулярное время и превращаясь постепенно из любителя в глубокого специалиста.¹ Избранной специальностью — арабской палеографии и орнаментике — он остался верен с самого начала научной работы до конца своей жизни. «Куфический почерк интересует меня прежде всего и палеография куфических надписей — та область, в которой я предпочтительно работаю», писал он (16 I 1926 г.); «... я занимаюсь исключительно историей мусульманского искусства и палеографией...» (1 IX 1932 г.). Здесь он нашел свое истинное призвание и стал счастливым человеком только с тех пор, как занялся арабским искусством. Тут он чувствовал, что это его область, и утратил всякие мысли о незначительности, которые его преследовали в первую половину жизни (14 VI 1933 г.). Совершенно сознательно S. Flury уклонялся от эпиграфических штудий, в чем его поддерживал и M. v. Berchem, советуя не терять время на арабскую филологию: «Вы всегда найдете ученых для перевода исторических текстов...» (1 IX 1932 г.). Работе S. Flury отдавался с увлечением: «Мне доставляет самое большое удовольствие нарисовать маленькую важную деталь, зная, что эти мелочи всегда сохраняют свое значение. Взгляды на искусство меняются, во материалы, на которых основан взгляд, переживают (их)» (6 V 1932 г.).

Первая печатная работа Samuel'я Flury в 1912 г. «Die Ornamente der Hakim- und Azhar-Moschee»² показала его сразу как талантливую и оригинального ученого, нашедшего верные пути для понимания и освещения искусства фатимидов. Серьезность его подхода и глубину изучения можно определить отчасти по затраченному им времени. Кроме зарисовок, сделанных в течение трехлетнего пребывания в Египте, он положил в основу своего труда собственные великолепные фотографии, ради которых он съездил специально в Каир на три месяца в 1911 г. (14 VI 1933 г.; 23 IX 1927 г.; 9 IV 1934 г.).³

Работа над орнаментикой раннефатимидских памятников с изданием 1912 г. отнюдь не прекратилась и особенно настойчиво Flury к ним возвращался в последние годы жизни. Известный исследователь мусульманской архитектуры К. А. С. Creswell, подготовляющий издание

каирских мечетей, просил его дать для третьего тома новый анализ мечетей ал-Азхар и ал-Хахим.¹ В 1927 г., после операции и поправки здоровья в Энгадине, S. Flury берет дополнительный отпуск и предпринимает третью поездку в Египет, так как со времени второй поездки 1911 г. была произведена реставрация мечети ал-Азхар и только по удалении лишних слоев штукатурки и с открытием некоторых частей здания можно получить точное представление о раннефатимидском искусстве. Он вновь исследует на месте все штукатурные надписи и находит много новых деталей (23 IX 1927 г.; 9 IV 1934 г.). В следующие годы во время вакансий он обрабатывает весь сосредоточенный им материал и делает новые рисунки, о чем пишет в середине зимы 1930 г., летом и осенью 1934 г. Осенью 1934 г. он едет в Париж специально для просмотра двух томов L. Hautecœur и G. Wiet, посвященных мусульманской архитектуре Каира,² в надежде на новое освещение интересующих его памятников; главы, написанные G. Wiet, он одобряет, но в работе Hautecœur совершенно разочаровывается и не находит никаких изменений сравнительно с предшествующими публикациями. В конце лета 1934 г. было уже приступлено к писанию второго исследования мечети ал-Азхар; после поездки в Париж S. Flury убеждается в необходимости опубликовать свой труд (24 I 1930 г.; 13 VIII 1934 г.; 24 X 1934 г.), но закончить его Flury, по видимому, не удалось.

Кроме орнаментики мечетей ал-Азхар и Хакима, в круг изучения S. Flury вошел целый ряд фатимидских памятников — штукатурные михрабы X—XI в. мечети Ибн Тулун, кыбла мечети Джуюши,³ гипсовая орнаментика Дейр ас-Сурьяни.⁴ Вопросы развития монументального куфического шрифта естественно заставляли его обращаться к ранним памятникам мусульманского Египта (тулунидский шрифт

¹ Название монументального труда в письмах не приведено. По видимому, имеется в виду К. А. С. Creswell, *Early Muslim Architecture*, первый том которого вышел в Оксфорде в 1932 г. F^o maj.

² *Les mosquées du Caire, t. I—II, Texte et album*, 40. Paris, 1932.

³ *Die Ornamente der Hakim- und Azhar-Moschee*, стр. 15, 19, 33, 36 и др., табл. XI 2, XV, XVI 2, XVII. — *Ein Stuckmihrab des IV (X) Jahrhunderts*, JAK, II, 1925, SS. 106—110.

⁴ *Die Gipsornamente des Dēr es-Sūrjāni*, *J. Isl.*, t. VI, 1916, SS. 71—81 — *Noch einmal Dēr es-Sūrjāni*, *Ibid.*, SS. 413—415.

¹ Op. cit., стр. 7, 6.

² Цитирована выше.

³ Op. cit., 7.

и орнамент),¹ к аббасидским памятникам в Месопотамии² и Персии.³ С расширением кругозора, глубина исследования не страдала, чем дальше обращался он к Востоку, тем тверже обосновывались его выводы о раннем и более прогрессивном развитии куфи в восточных частях мусульманского средневекового мира, где им обнаружен самый ранний монументальный нески 451—492 (1059—1099)⁴ и установлены любопытнейшие типы куфических надписей: плетеный куфи (*coufique tressé*, *Flechtbandkufi*) в Радкани 411 (1020—21 г.), последовательная серия в Амиде между 437—559 (1045—1163-64 гг.) и Маййафарикине около 1186 г.,⁵ волнообразный куфи (*coufique à gipseau ondulé*, *Wellenranckenkufi*) на двери Махмуда в Газне,⁶ найденные, наконец, западные и южные отпрыски шрифтов, созданных на востоке — надпись Кайруанской макуры мечети Сиди 'Окба (пол. XI в.)⁷ и мечети Кисимкази в Занзибаре 500 (1107 г.).⁸

Работы S. Flury дают первоклассный, тщательно подобранный материал, проанализированный по особому, им выработанному методу, с составлением алфавитных таблиц, расчленением надписи на шрифт, отдельные декоративные мотивы и проникновенный анализ орнамента. Эта система позволяет определить композиционные приемы, время недатированных

памятников, взаимоотношения орнаментики в различных странах ислама, наметить роль двух важных центров в мусульманском искусстве.¹ S. Flury является создателем новой отрасли палеографии, метко названной Gaston'ом Migeon «paléographie ornementale»;² поставив ее на должную высоту, он далеко превзошел всех, кто работал в области мусульманской орнаментики, в частности E. Herzfeld'a, со взглядами которого он иногда капитально расходился,³ и Georges Margais, и открыл новую эру в изучении монументального куфи. Из нетронутой целины арабских фризмов он мастерски выделил и удачно осветил период высшего расцвета куфического шрифта в XI в.

Значение работ Samuel'я Flury общепризнано. Без них глава о монументальной и декоративной скульптуре во втором издании «Manuel d'art musulman», написанная G. Migeon, была бы значительно беднее.⁴ Чрезвычайная важность с точки зрения методологии и общих выводов ценнейшего исследования надписей Амиды вызвала появление, вслед за оригинальной немецкой работой, французского перевода, но без дополнительной части.⁵ Тем не менее, попытки привлечь S. Flury к университетскому преподаванию окончились неудачей. Около десяти лет назад ему предлагали экстраординатуру в Базельском университете, но он предпочел отказаться, боясь стать рабом науки без всякой личной свободы (14 VI 1933 г.). Оставаясь профессором английского языка и литературы,⁶ он занял выдающееся место как ученый.

Чтобы достичь таких результатов, требовалась колоссальная выдержка, настойчивость и

¹ Islamische Schriftbänder. Amida-Diarbekr, стр. 8—10, табл. I. — Bandoaux ornementés à inscriptions arabes. Amida-Diarbekr. Syria, t. I, 1920. — Die Gipsornamente des Dêr es-Sûrjâni, I. c.

² Samarra und die Ornamentik der Moschee Ibn Tulun, D. Isl., t. IV, SS. 421—432.

³ Un monument des premiers siècles de l'Hégire en Perse, Syria, t. II, 1921, pp. 230—234, pl. XXXV—XL. — Le décor de la mosquée de Nayin. Ibid., pp. 305—316, pl. XLI—LIII. La mosquée de Nayin, Syria, t. X, 1930, pp. 43—58, pl. VIII—XIII.

⁴ Le décor épigraphique des monuments de Ghazna, Syria, t. VI, 1925, p. 74 sq., pl. XIII, I.

⁵ Islamische Schriftbänder. Amida-Diarbekr. XI. Jahrhundert. Anhang. Kairuan, Mayyâfâriqin, Tirmidh, Basel — Paris, 1920. — Bandoaux ornementés à inscriptions arabes. Amida-Diarbekr, Syria, t. I, 1920, pp. 235—249, 318—328; t. II, 1921, pp. 54—62.

⁶ Das Schriftband an der Türe des Mahmud von Ghazna (998—1030). Der Islam, t. VIII, 1918, SS. 214—227.

⁷ Op. cit.

⁸ The Kufic Inscriptions of Kisimkazi Mosque. Zanzibar, 500 H. (A. D. 1107), JRAS, April 1922, pp. 257—264.

¹ Islamische Schriftbänder. Amida-Diarbekr, 7 sq.

² Manuel d'art musulman, 20. Arts Plastiques et industriels, t. I, Paris 1927, pp. 225, 294.

³ Die Ornamente der Hakim- und Azhar-Moschee, SS. 7—8, 30. — La Mosquée de Nayin, Syria, 1930, p. 57. — Die Gipsornamente des Dêr es-Sûrjâni. D. Isl., t. VI, 1916, SS. 71—87. — Noch einmal Dêr es-Sûrjâni. Ibid., SS. 413—415. Cp. E. Herzfeld. Genesis der islamischen Kunst. D. Isl., t. I, 1910, 49 sq. — Zu Flurys Aufsatz, Bd. VI, 71 ff., D. Isl., t. VI, SS. 210—214.

⁴ Цитировано выше.

⁵ См. выше, стр. 171, лев. прим. 1. Кроме того, в 1920 г. напечатано пособие учебного характера по эпиграфике Amida-Diarbekr. Bâle 1920; ред. T. W. Arnold в «The Asiatic Review», 1920, Oct., pp. 726—727.

⁶ См. «Die Ornamente der Hakim- und Azhar-Moschee», Vorwort.

энергия, потому что некоторые местные условия не были благоприятны для его научной работы. Сильнее всего ощущалось отсутствие ориентальной библиотеки. В Базельском университете прекрасные отделы классических и точных наук, но Восток представлен крайне слабо (14 VI 1933 г.; 15 XII 1933 г.) и S. Flury иногда жалел, что не состоит при музее, где приобрел бы все необходимые ему книги. Однако в Базеле, как и вообще в Швейцарии, это было невозможно, так как там нет музеев восточного искусства (6 V 1933 г.). Он постоянно вспоминал в письмах недостаток литературы, который смягчался получением новых работ от многочисленных друзей-ориенталистов, а изредка поездками в Париж, Лондон и Берлин, где можно было просмотреть все нужные издания.

Надо было также уметь найти время для научной работы. S. Flury был одарен разносторонне, он не мог существовать без музыки, особенно охотно играл *Händel*'я, занимался в 59 лет спортом, любил простую семейную жизнь и обрабатывал собственными силами большой сад. Этовлечение он считал наследием предков — пастухов, которые, живя в горах, не ели ничто, кроме хлеба, сыра и молока, а мясо и вино видали по большим праздникам (1 IX 1932 г.). Сад требовал много труда, не жалея сил, Flury посвящал обработке три недели весенних каникул и часть летнего времени. 6 мая 1933 г. он пишет: «... я работал как негр, с той разницей, что я вносил энтузиазм... Надо иметь противоядие, чтобы уравнивать современный специализм, который занимает исключительно голову...» В такие периоды приходилось целиком отказываться от исследовательских занятий (25 VIII 1930 г., 14 VI 1933 г.; 26 I 1934 г.; 9 IV 1934 г.; 13 VIII 1934 г.), но в зимние каникулы он отдавал полную дань Востоку, рисуя иногда все время, днем и ночью (15 I 1934 г.). В более молодые годы в учебный сезон он занимался еще по вечерам, после ужина, но в последние годы жизни это стало невозможно из-за бессонницы (1 IX 1932 г.).

Огромная и разнообразная деятельность не исчерпывала энергии S. Flury. Исследовательской работой он все более увлекался и считал ее легче, чем светская жизнь, в которой иногда приходилось принимать участие, особенно при поездках в Англию (1 IX 1932 г.). Благодаря высокому научному престижу, обширным зна-

комствам и многочисленным друзьям в среде ориенталистов, искусствоведов и археологов, новые материалы стекались к S. Flury со всех сторон, чем дальше, тем в большем количестве. Так, например, 13 VIII 1934 г. он пишет о новой надписи, открытой A. Godard около Каспийского моря, и фотографиях расписных фатимидских балок XI в. от Creswell'a из Иерусалима; 24 X 1934 г. и 20 I 1935 г. — о фотографиях памятника XI в. в древнем Bâlis на Евфрате, из раскопок G. Salles и de Lorey. Сам он, как показывают его работы, тоже умел разыскивать их и давать им должное освещение. Некоторые темы оставались постоянно в сфере его внимания, как тулунидская и фатимидская орнаментика; к другим он возвращался неоднократно (Islamische Schriftbänder, метель в Наййине).

Справедливо оценив важность эпиграфических фриз в архитектуре, Flury не прошел мимо роли эпиграфики в керамике и подошел к ней с совершенно новой точки зрения — анализа некоторых широко употребительных формул.¹

Капитальный интерес представляла для него с давних пор среднеазиатская керамика с ее разнообразными эпиграфическими мотивами. Ею он занимался в Лондоне и Берлине, частью по оригиналам, частью по рисункам и фотографиям. В Victoria and Albert Museum он изучал коллекцию, купленную майором W. S. Myers и пожертвованную в музей в 1898 г. (20 II 1926 г.; 31 III 1926 г.; 29 VI 1926 г.; 11 II 1927 г.; 7 III 1927 г.), собрание акварелей, исполненных одним военнопленным с коллекции, находившейся в Ташкенте, и фотографии коллекции М. В. Столярова, предлагавшейся музею для покупки более 20 лет назад (14 XII 1931 г.). Некоторые эскизы орнаментов набросаны в письмах карандашом и представляют большой интерес. Судя по одному примеру, можно предположить, что речь шла о той коллекции М. В. Столярова или части ее, которая принадлежит Музею искусств Всеукраинской Академии Наук: в письме от 14 декабря 1931 г. S. Flury нарисовал узор фрагментированного блюда, которое его давно заинтересовало, а 12 июня 1932 г. он сообщает, что узнал его, но в более полном виде, на одной из таблиц

¹ Une formule épigraphique de la céramique archaïque de l'Islam, Syria, t. V, 1924, pp. 53—56.

полученного им киевского каталога.¹ Отмечена им мимоходом и среднеазиатская керамика в Каире (23 IX 1927 г.), но заниматься этим собранием по недостатку времени он не мог. Когда в 1933 г. проф. E. Kühnel неожиданно нашел в подвалах Völkerkunde Museum в Берлине забытые ящики со среднеазиатской керамикой, S. Flury в ближайšie каникулы поехал на 10 дней в Берлин и сделал много рисунков (24 X 1933 г.) Он штудировал также коранический куфи (24 X, 15 XII 1933 г.) и книжный орнамент.²

Среднеазиатская керамика особенно влекла S. Flury в СССР, куда он давно мечтал приехать и с напряжением ожидал конгресса иранского искусства (16 I 1933 г.; 6 V 1933 г.; 15 I 1934 г.; 9 IV 1934 г.; 13 VIII 1934 г.; 20 I 1935 г.), спрашивая о нем почти в каждом письме с начала 1933 г. вплоть до последнего. Интересовала его и наша страна с ее музейными богатствами, огромными переменами и строительством, о чем ему восторженно рассказывал давний ученик — коммунист, живший в Москве с 1918 г. (16 I 1933 г.). Готовясь к поездке, S. Flury даже принялся за изучение русской азбуки (13 VIII 1934 г.; 9 IV 1934 г.).

Из работ последнего периода можно назвать «Ornamental Epigraphy in Persian Pottery», которая должна выйти в «Survey of Persian Art» (12 VI 1932 г. она была уже переписана на машинке). Она причинила автору не мало волнений. S. Flury был принципиальным врагом слишком дорогих роскошных изданий, которые недоступны, как он писал, бедным ученым (9 IV 1934 г.) и предпочитал печатать свои исследования в специальных журналах, в виду их более широкого распространения и возможности получить оттиски. И действительно, большая часть его трудов появилась в «Der Islam», «Syria» и «Journal of the Royal Asiatic Society»; только немногие вышли отдельным изданием, но он щедро рассылал оттиски друзьям и коллегам, ради чего вел борьбу с издателями (14 XII 1931 г.; 9 IV 1934 г.). От участия в «Survey of Persian Art» он долго отказывался. Ри-

сунки для «Ornamental Epigraphy in Persian Pottery» он принужден был сделать дважды, после пожара в кабинете: «Это была самая тяжелая работа, какую я когда-либо делал, нарисовать 24 рисунка во второй раз» (9 IV 1934 г.). Этим словам легко поверить, потому что рисунки S. Flury, помимо тонкости и изящества, отличаются изумительной точностью, которая достигалась упорным трудом при помощи измерений циркулем и изучения часто не безупречных фотографий в лупу.¹ Новую обработку орнаментики ал-Азхара он также собирался напечатать в «Syria», если «Oxford Press» не согласится дать 100 отдельных оттисков статьи, как было уговорено с К. А. С. Creswell'ом.

В самом конце 1933 г. S. Flury получил фотографии михраба Мешхед-и Мисрийн и увлекся его орнаментикой и шрифтом (31 XII 1933 г.). Две первых переданных ему фотографии были получены А. У. Роре от Б. П. Денике и сняты Б. Н. Кастальским более 20 лет назад. В короткий срок ему была доставлена еще фотография от К. А. Creswell'a из Каира, вывезенная Cohn Wiener'ом из Бухары; последнюю, от самого Б. Н. Кастальского, он получил через меня. S. Flury работал над ними не отрываясь (15 I 1934 г.; 26 I 1934 г.; 9 V 1934 г.), но не желал по изложенным причинам издавать эти материалы в «Survey of Persian Art»; однако настойчивость его друга А. У. Роре преодолела, и 24 октября 1934 г. он пишет, что согласился передать ему эти рисунки, которые, вероятно, в скором времени будут опубликованы.

Непрерывная смена педагогической деятельности и напряженных научных занятий повлияла в последние годы на здоровье S. Flury, но он не думал сдаваться. Летом 1932 г. он впервые за 25 лет провел три недели в Англии, не работая, хотя осматривал шесть частных коллекций и вел серьезные беседы (1 IX 1932 г.). Талантливый «Lebenskünstler» все больше находил интереса в жизни. «La vie est riche» (жизнь богата), «La vie devient de plus en plus riche» (жизнь становится все богаче), писал он, (24 X 1933 г.; 13 VIII 1934 г.); «... пожелайте мне, чтобы эта трудовая жизнь продлилась еще несколько лет...» (9 IV 1934 г.) Он успел изучить ковровую орна-

¹ Музей Мистецтва Всеукраїнської Академії Наук. Мистецтво країн ісламу. Каталог. Склад М. Вязьмитина. Київ. 1930, стр. 43, № 181, табл. VI, 162. Ср. В. Крачковская, Мусульманское искусство в собрании Ханенко, ЗКВ, т. II, стр. 7.

² Islamische Ornamente in einem griechischen Psalter von ca. 1090, D. Ist, t. VII, 1917, SS. 155—170.

¹ Islamische Schriftbänder. Amida-Diarbekt, 8.

менту, которую его опытный глаз читал как книгу, и зимой 1934 г. руководил осмотром выставки ковров XVI—XVIII вв., устроенной Школой искусств и ремесел в Базеле, принимал попутно участие в дебатах, развивавшихся между Лондоном, Берлином и Базелем относительно подлинности одного портрета Генриха VIII в замке Novard, неожиданно приписанного Holbein'у (10 III 1934 г.).

Меланхолия посещала S. Flury только при мысли о потере близких и друзей, или когда болезни отрывали его от работы (10 III 1934 г.), но и тут проявлялась всегдашняя благожелательность к людям: в декабре 1933 г. в Арозе, не имея сил заниматься спортом после болезни, он наблюдал во время прогулок за лыжниками и развлекался писанием на снегу в опасных местах куфическим шрифтом XI в. пожеланий вроде العجلة من الشيطان (Торопливость от

дьявола) (15 XII 1933 г.). В Арозу он направился и в январе 1935 г., когда затянувшаяся с ноябрьской болезнью повернулась как-будто в сторону улучшения. В последнем письме 20 января 1935 г., за четыре дня до смерти, он с прежней бодростью говорит о предстоящей работе над датированными штукатурными украшениями из раскопок de Lugey на Евфрате, как только состояние здоровья позволит, но этому не суждено было осуществиться.

Работа S. Flury прервалась внезапно в расцвете его своеобразного дарования. Он мог дать еще очень много, но то, что он после себя оставил, полноценно, никем не превзойдено и навсегда вошло в историю науки, облегчив дорогу дальнейшим исследователям.

В. Крачковская

Ленинград, 23 марта 1935 г.

◆ По сообщению Oriente Moderno на заседании каирского Institut d'Egypte от 21 января 1935 г. президентом института был выбран Др. Mansur Fahmi, председатель факультета литературоведения Египетского университета и действительный член Арабской лингвистической академии. Fahmi является первым египтянином на посту руководителя Institut d'Egypte. Бывший президент Н. Gauthier назначен вице-президентом, а в состав издательской комиссии входят: A. Lucos, A. Sammarco, G. Wiet и шейх Mustafa 'abd ar-Raziq.

◆ В октябре 1934 г. в Лондоне состоялась выставка увеличенных художественных фотоснимков, иллюстрирующих жизнь бедуинов Сирийской пустыни. Снимки сделаны Сагl R. Raswan'ом, который за последние 20 лет успел десять раз посетить пустыню, в частности побывать у племени Rwala, под защитой которого он находился. Raswan, как известно, является специалистом по арабскому коневодству, и издал книжку об арабских лошадях: Der Araber und sein Pferd (Stuttgart, 1930).

◆ По сообщению итальянского востоковедного журнала Oriente Moderno 14 (11. 1934), 522, в Батавии (о. Ява) выходит голландский перевод Корана.

◆ По сообщению каирской газеты al Ahgām, в Иерусалиме начал выходить журнал «Mažal-

at al-iqtisādijāt al-ğarabijja», посвященный экономическим вопросам. Издается он «Обществом арабских изданий» под редакцией Fu'ad Saba и ġādil Zabar.

◆ По сообщению «Oriente Moderno» с 1 февраля 1935 г. в Иерусалиме выходит экономический двухнедельник Le Journal Économique arabe, издаваемый Arab Publication C Ltd. под редакцией F. S. Saba, A. Zabar и T. Faraz. Первый выпуск, объемом в 40 стр., содержит статьи об укладе жизни в Палестине, о перспективах разведения апельсинов в Палестине, о египетской промышленности, о кооперативных обществах, об экономике султанатов Омана и Маската (в юго-восточной части Аравийского полуострова, у Персидского залива), об иракском анонимном обществе. Журнал предполагает разрабатывать вопросы теоретической экономики, изучать улучшенные методы агрикультуры и всякие вопросы, связанные с техническими и социальными нуждами феллахов, давать обзоры местных и иностранных рынков, текущих цен, тарифов, условий труда, кооперативных обществ и деятельности главнейших палестинских и иностранных финансовых учреждений.

◆ С 23 февраля 1935 г. в Капре издается новая ежедневная газета al-Masā' («Вечер»), являющаяся органом объединения профсоюзов (председатель: ġabbās ġalim).